"СЕРДЦЕ КАМНЯ"

"Ты должен идти, Придающий Форму Камню."

"Нет."

"Ты должен!"

"Я здесь. Я остаюсь здесь."

"Пожалуйста, возлюбленный мой. Пожалуйста, оставь меня."

"Нет."

Придающий Форму Камню нежно провел своей истинной рукой по мордочке Золотоглазой, его глаза потемнели.

"Ты - моя жизнь. Я не оставлю тебя. Я никогда не покину тебя, поэтому и ты не должна покидать меня."

"Но у меня нет выбора."

Мысленный голос его пары был слабее, ее мыслесвет потемнел, и он лег рядом с ней, обхватив ее безвольное тело всеми шестью своими конечностями, уткнувшись мордой в ее шею сбоку.

"У меня нет выбора, - повторила Золотоглазая, - но у тебя есть. Наши дети, клан. Ты им нужен, и ты должен остаться."

"Я нахожусь в единственном месте, где я "должен оставаться", - сказал он ей. "Ты - моя жизнь. Я никогда не покину тебя."

"Я не хочу, чтобы ты тоже умер."

"Я знаю это."

Он почувствовал боль в ее мыслесвете, ее отчаянное желание, чтобы он жил, но он не мог дать ей то, чего она хотела. Не после стольких сезонов, когда она была центром всего его мира. Он не мог спасти ее, и он знал это, но, что он мог ей дать, - это чтобы она умерла не в одиночестве.

"Я знаю это, - мягко повторил он, - но мы - одно целое. Мы были вместе с тех пор, как я впервые почувствовал твой меслесвет, и мы всегда были рядом друг с другом. Я не отсавлю тебя в самом конце. Так что отдыхай, любимая." Его руки крепче обняли ее. "Отдохни, а я буду здесь, оберегая тебя."

"Я люблю тебя." Теперь он едва мог слышать ее мысленный голос и еще теснее прижался мордой к ее шее.

"Я люблю тебя."

"Я знаю."

* * *

“Кто-нибудь из вас видел Мака или Зака этим утром?” - спросила леди Данетт Шардт-Кордова, баронесса Шардт-Кордова, заглядывая в уголок для завтрака на ферме.

“Мама, еще даже нет девяти часов, а сегодня суббота”, - ответила Дана, старшая из трех ее дочерей, отрываясь от чтения. “Ты действительно думаешь, что мы увидим кого-нибудь из них до полудня?” Она склонила голову набок. “Ты ведь не пробовала снова крепкий сидр, не так ли?”

“Не пробовала”, - подтвердила Данетт с восхитительным спокойствием. “Я никогда не дегустирую его раньше десяти утра, и вы это знаете, юная леди!”

“Просто интересно, что заставило тебя думать, что кто-то из них собирается появиться до полудня в выходные. Честно говоря, я думаю, что Зак вернулся незадолго до рассвета. Тебе нужна помощь, в чем-то, о чем мы с Натали, — она мотнула головой в сторону своей младшей сестры, - могли бы позаботиться?”

“О, боже, спасибо”, - сказала Натали, отрываясь от своих кукурузных хлопьев. В четырнадцать стандартных лет она была на десять стандартных лет моложе Даны. Кроме того, она была на десять сантиметров выше, что Дана считала грубой генетической несправедливостью. “Не то чтобы у меня тоже было что-то запланировано на это утро”.

Она закатила глаза.

Это произошло двенадцать стандартных лет назад, когда Маку было всего шесть, а Заку - всего четыре. Никогда не возникало вопроса, кто возьмет мальчиков, и не только потому, что они жили на соседних участках, и “тетя Данетт” никогда не сожалела о своем решении.

Как и у многих выживших после Чумы, у них была своя доля психологических травм. Мак был гораздо более тихим из них двоих, но даже у Зака, который восхищался своей буйной, артистичной (или “вычурно-фартовой”, если использовать иногда репрессивный термин Мака) личностью, были люди, которых он оплакивал, и не только его собственные родители. Однако ни один из них не позволил этому расстроить себя, и они ввели желанную дозу озорства в семью Шардт-Кордова.

О, они могли быть послушными, и она никогда бы не призналась им, какое большое место они занимают в ее сердце. Они знали; она просто никогда бы в этом не призналась! И они более чем заслужили свое содержание, поскольку она изо всех сил старалась поддерживать оба иска в рабочем состоянии. Она будет скучать по ним — очень сильно, — когда они снова вернутся на свои собственные земли через год или около того. Усадьба Кемперов располагалась на реке Ист-Ридж в юго-восточном квадранте нынешнего баронства Кемпер, всего в девяноста километрах (всего десять или одиннадцать минут по воздуху) от этого самого уголка для завтрака, и она знала, что они все еще будут поблизости, хотя бы потому, что ни один из них не был особенно хорош в готовке. Но почему-то это было бы не то же самое.

“Ты говоришь, Зак вернулся только на рассвете?” - спросила она через мгновение, и Дана кивнула. “И ты знаешь об этом, потому что...?”

“Потому что она вернулась примерно в то же время, что и мальчики”, - предположила Натали.

“Правда?” Данетт задумчиво посмотрела на свою старшую дочь, и Дана слегка покраснела.

“Мама, мне двадцать три!”

“Я не говорила, что это не так”, - мягко сказала Данетт. “Я всего лишь... выражала родительский интерес. Планируешь ли ты представить его — кем бы он ни был — нам в ближайшее время? Я спрашиваю только для того, чтобы спланировать количество мест для завтрашнего ужина, ты же понимаешь. Никакой спешки.”

“Мама!"

"Хорошо. Ладно! Я просто дразню." Данетт широко улыбнулась, но правда заключалась в том, что у нее было довольно четкое представление о том, где — и с кем — была Дана, и она искренне одобряла его. Не то чтобы у нее было какое-то намерение отказываться от такого превосходного оружия!

“И кто-нибудь из вас знает, где может быть Корделия этим прекрасным утром?”

“Она направилась на обследование, о котором ты просила. Она взяла немного сухих хлопьев и ушла около тридцати минут назад. Также она взяла с собой пару бутербродов. Сказала, что, вероятно, вернется только после обеда.”

“Она пошла одна?” Данетт нахмурилась, а Дана пожала плечами.

“Я предложила пойти с ней, но она сказала, что с ней все будет в порядке. Она взяла свою винтовку и Барнаби.”

Данетт кивнула, хотя и не совсем удовлетворенно. Им действительно нужно было завершить обследование Низин Красного Берега до того, как туда въедут лесорубы, но это место было далеко от дома — или помощи, - если что-то пойдет не так. С другой стороны, все три ее девочки были отличными стрелками — люди в сфинксианском буше, как правило, серьезно относились к меткой стрельбе, — а Барнаби был ротвейлером с Мейердала. Огромный пес был почти восьмидесяти сантиметров в холке и при весе в семьдесят три килограмма весил больше Натали "со значительным отрывом". Он также был одновременно умным и отчаянным защитником. С ним и винтовкой с Корделией ничего не должно было случиться, но это не означало, что она не должна пройти довольно жесткий сеанс беседы матери с дочерью, когда вернется домой.

"Отлично!" Данетт с энтузиазмом кивнула. Планетарная сеть передачи данных, коммы, уни-линки и компьютеризированные классы позволяли детям со всего Сфинкса “встречаться” друг с другом, но владения Шардт-Кордова — только теперь это было “баронство Шардт-Кордова”, конечно, — были в сотне километров в сторону, и было еще не меньше дюжины других возражений, которые она могла бы придумать сразу. Такие расстояния означали, что молодые люди, застрявшие в буше, получали меньше физического “времени наедине” со своими ровесниками, чем ей хотелось бы. Виртуальная реальность была лучше, чем ничего, но это просто было не то же самое. В детстве она испытывала такую же изоляцию и была сторонницей всего, что могло бы включать в себя групповые занятия для ее детей, хотя плавание было не самым первым, что пришло бы на ум.

Огромная орбита Сфинкса требовала длительных сезонов, и, прежде всего, его средняя температура была значительно ниже, чем у Мантикоры или Грифона, двух других обитаемых миров Двойной системы Мантикоры. Грифон испытывал гораздо более экстремальные сезонные колебания каждый год, но Сфинкс был словарным определением “очень, очень, очень холодного” в течение своей зимы, длившейся шестнадцать стандартных месяцев. Даже в разгар лета природные объекты Сфинкса едва ли можно было назвать теплыми, но на данный момент они были на полпути к осени. Правда, это лето было исключительно жарким (для

Сфинкса) и сухим, со слишком большим количеством лесных пожаров. Осенняя погода оставалась такой же засушливой, но, по крайней мере, похолодало до того, что уроженец Сфинкса считал комфортным... а любой другой назвал бы “бодрым”. Это означало, что, несмотря на то, что Твин Форкс находился почти в четырехстах километрах от Шардт-Кордовы — добрых сорок пять минут полета в одну сторону, - крытый бассейн с подогревом мог многое предложить.

Как и мороженое в кафе "Красная Буква", размышляла она. Что ж, они усердно работают, мои девочки. Они заслуживают одного-двух свободных дней, особенно в выходные.

“Хорошо, звучит хорошо. Но дай мне знать, прежде чем уйдешь. Мне нужно кое-что из города. Я составлю список."

“Идет”, - согласилась Дана.

“А теперь перейдем к гексапуме. Мы должны достать этих зубастиков к понедельнику, так что пожелайте мне удачи!"

* * *

"Черт возьми, лучше бы ты не задерживал нас так надолго”, - проворчал Мак Кемпер, приземляя аэрокар на поляне. Первые Кемперы и Шардт-Кордова выбрали места для своих поместий в немалой степени из-за того, насколько хорошо они орошались, и, несмотря на засуху, в воздухе витало достаточно влаги, чтобы образовался прохладный туман, а косые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь крону дуба, создавали позолоченные слитки золота.

“Я задержал нас так надолго?” Зак посмотрел на него. “Напомни, кто был тот парень, с которым ты сидел?”

“Я не понимаю, о чем ты говоришь”. Мак нажал кнопку, и его ноздри одобрительно раздулись, когда полог откинулся и до них донесся земляной запах леса. “А звали его, как ты прекрасно знаешь, Брэд. Ревнуешь?»

"Не в моем вкусе, чувак", - ответил Зак. "Слишком занудный."

"Зануда?" Мак недоверчиво посмотрел на него, когда он выбрался из аэромобиля и взял свою винтовку с полки. “Это говорит парень, который занял второе место в планетарном конкурсе "Зов Земли"? Ты серьезно хочешь назвать еще кого-то ”занудой"?"

”Спрашивает парень, который занял первое место в планетарном соревновании", — заметил Зак, ни к кому конкретно не обращаясь, собирая свое оружие — он предпочитал дробовик, а не винтовку - и проверяя патронник. “Я, в отличие от некоторых других людей, играю, потому что моя чувствительная и артистичная натура жаждет самовыражения. С другой стороны, некоторые люди играют, потому что у них не так много жизни вне виртуальной реальности. Я, конечно, не называю имен. Это было бы вульгарно."

"Я очень хочу дать тебе подзатыльник в следующий раз, когда мы сразимся в ”Смертельном поединке", приятель!" - предупредил его Мак со смешком.

“Да, да, да. Я уже это все слышал раньше.”

Мак нажал на кнопку пульта, и купол закрылся. Наиболее опасной дикая природа Сфинкса, как правило, была в виде крупных животных, таких как гексапума и горные медведи. Однако

было несколько существ помельче, которые могли быть решительно неприятными, и обнаружение одного из них в аэрокаре по возвращении не входило в его список "хороших событий". Кроме того, они были недалеко от нескольких больших прудов, с живущими в них псевдобобрами. Гладкие шестилапые твари имели ярко выраженную склонность к разжевыванию обивки аэромобилей в клочья, а псевдоопоссумы были еще хуже.

“Итак, давайте надерем задницу некоторым зубастым”, - сказал он, и Зак пожал плечами.

“Я здесь только потому, что кое-кто вытащил меня из моего с трудом заработанного сна, чтобы убедиться, что его никто не съест”, - ответил он. “Но все нормально! Не обращайте внимания на мое состояние. Нет ничего важнее, чем приглядывать за спиной моего брата!”

“Я бы очень хотел, чтобы Корделия не утащила Барнаби этим утром”, - задумчиво сказал Мак, прокладывая путь сквозь туманные солнечные лучи к неповоротливой массе ближайшего робота-лесоруба. "Он намного тише, чем ты!"

* * *

Камень, которого когда-то звали Придающим Форму Камню, лежал, растянувшись на ветке сетчатого дерева, в луче света. Вскоре ему пришлось сменить позу, чтобы остаться в его тепле, и он это сделал. Мир перелистнул руки рук дней листопада. Холодные дни настигнут его не завтра, но достаточно скоро. Достаточно скоро.

"Итак, я увидел еще один зеленый сезон", - подумал он, глядя на лес. Я полагаю, что это достижение.

Он перевернулся на спину, подставив солнцу мех на животе, и закрыл глаза, вспоминая. Это были песни памяти о других, подобных ему. Не много, но несколько. Он всегда удивлялся, почему эти другие особи так стремились выжить. Теперь настала его очередь, и он мог ответить на этот вопрос сейчас не больше, чем тогда.

"Я должен был покончить с этим и уйти с ней", - снова подумал он. Это была не очень полезная мысль. Он знал это... и он не мог перестать думать об этом так же, как не мог бы взлететь.

Правда заключалась в том, что он хотел сделать именно это, даже если бы серая смерть не забрала и его тоже. Народ редко переживал потерю своих близких, особенно когда они были так глубоко связаны, как он и Золотоглазая. Действительно, он не хотел жить, когда понял, что должен потерять ее.

Серая смерть поражала редко, но Народ хорошо знал ее признаки... и что почти все, кого она коснулась, умерли. Ни в одной из песен памяти не говорилось, чем это вызвано. Это не было похоже на поедание травы смерти или любого другого ядовитого растения. Это происходило не от плохой воды или яда смертельного укуса. Это просто... случалось, и оно распространялось, как лесной огонь в сезон пожаров. Единственной защитой от нее было держаться подальше от тех, кого она коснулась. Вот почему остальная часть Клана Яркой Воды перенесла свои гнезда из золотых листьев, в которых они с Золотоглазой свили свое собственное гнездо. Ни он, ни Златоглазая не винили их за это решение. Охотники и разведчики клана приносили еду и оставляли ее для них на безопасном расстоянии, а их друзья и целители разума оставались достаточно близко, чтобы разговаривать с ними каждый день. Яркая Вода не покинула их. На самом деле, они отказались, и клан сделал только то, что должен был, чтобы спасти остальных.

Придающий Форму Камню понимал это. А то, что произошло позже, навсегда изгнало его из клана и его центрального гнездовья.

И в этом тоже не было вины Яркой Воды. Это было его виной, потому что он не умер.

Серая смерть была не единственной болезнью, которая могла убивать. Правда, она убила гораздо больше тех, кого поразила, чем большинство других болезней. Но особенно ужасающим для Народа было то, что случилось со столь многими из того крошечного числа людей, которых она не убила.

Он вспомнил тот день, когда наконец вышел из тьмы, которую считал смертью. Он помнил пробуждение, помнил ноющую, ужасную тишину там, где был мыслесвет его возлюбленной пары. Вспомнил ужасное горе, необходимость последовать за ней обратно во тьму, чтобы больше не вынырнуть.

И все же он этого не сделал. Что-то остановило его. Возможно, это был вечно молчащий мысленный голос Золотоглазой, нашептывающий ему из тишины, приказывающий ему жить. Возможно, это было простое упрямство с его стороны. Золотоглазая всегда говорила ему, что он самый упрямый из всех, кого она когда-либо знала, так что, возможно, в этом и была причина.

Или, возможно, мне просто нужно было сделать свою жизнь проклятием всего мира. Доказательство того, что не может погибнуть все, что я люблю, только потому, что погибла та Личность, которую я любил больше, чем все остальное, вместе взятое.

Он перенес неподвижное, окоченевшее тело Золотоглазой из их гнездовья к развилке на самой вершине золотого листа и поместил ее там, где очистительный ветер, яркое солнце могли перенести ее дух в то другое место, где, как он надеялся, она будет ждать его. А потом он вернулся в их пустое гнездо, безмолвно оплакивая ее и переждал двойную череду дней, доказавших, что серая смерть покинула его, прежде чем снова отправиться на встречу с кланом.

И обнаружил, что серая смерть забрала нечто гораздо более значимое, чем его жизнь. Она украла его мыслеголос. И не только способность мысленно говорить, как это было наиболее распространено среди тех, кто пережил серую смерть. Нет. Она также отняла у него способность слышать мысли. Постоянный поток мыслеголосов, присутствие всех этих других мыслеголосов вокруг него, в нем, около него…

Прекратился. Просто… исчез. Ушел в огромную, темную пустоту. В тишину, которой он никогда не знал. И, возможно, даже хуже того, он все еще чувствовал вкус мыслесветов. Он точно знал, что чувствует окружающий его Народ, но впервые в своей жизни он не знал, что они думают. Они не могли заговорить с ним, сказать ему, а он не мог спросить.

Они были в ужасе от того, как серая смерть искалечила его, и само его присутствие только усилило их ужас. Не было ни ненависти, ни негодования, никто не хотел, чтобы он уходил от них… И все же одно его присутствие пугало их, как бы сильно они ни боролись со своим страхом. Или с тем, чтобы он это почувствовал. Он также был напоминанием о том, что может случиться с любым из них. Что еще хуже, он испытывал их сострадание — их жалость. Их потребность как-то утешить его… и осознание того, что они не могли. Они не могли избежать обмена своими мыслесветами так же, как он не мог избежать их ощущения, и вина, которую они чувствовали - вина, о которой ни он, ни они не могли мысленно говорить, — только усугубляла ситуацию.

И тогда он ушел.

Те же самые мыслесветы умоляли его не уходить. Народ хорошо знал, насколько маловероятно,

что Личность выживет в одиночестве. В мире было так много опасностей, многие из них были больше и намного сильнее любой Личности. Без остальных членов клана, которые могли бы наблюдать, оберегать и помогать, смерть почти всегда наступала быстро, и, несмотря на его молчание, он был частью их жизни и их сердец. Они уже потеряли Золотоглазую, и их сердца не хотели терять и его.

И все же он не мог остаться. Не ощущая их мысленное сияние так глубоко из своего мира безмолвия. Кроме того, без своего мыслеголоса он все равно больше не мог бы быть лидером формирователей кремния Яркой Воды. Как бы он смог, если он больше не мог слышать, что ему говорят, или объяснять им задачи? И вот его место одного из старейшин Яркой Воды перешло к Кусающему Камень. Это было хорошо. Кусающий Камень был старшим выжившим котенком его и Золотоглазой, с добрым сердцем и сильным мыслеголосом. Он хорошо послужит клану.

И еще он сменил свое собственное имя в тишине собственного разума. Это было не то имя, под которым его могли знать остальные члены клана, но он больше не знал, как они могли бы называть его сейчас. Так что он стал просто Камнем. Камень, окутанный каменным безмолвием, изгнанный не кланом, а его собственным сердцем и волей, направившийся на поиски ожидающей его смерти.

Но она отказалось прийти за ним, и он обнаружил, что не может просто пассивно ждать. У него не осталось ничего, кроме твердой решимости, что мир не убьет его так же легко, как убил его возлюбленную. Он будет сражаться со смертью на каждом шагу, оскалив клыки и выпустив когти, потому что это была единственная цель, оставшаяся у него.

Он знал это. Он принял это. И все же эта пустая, кровоточащая тишина внутри него жаждала того дня, когда он наконец проиграет эту битву.

И разве это не приятный способ начать свой день? - спросил он себя. Возможно, вместо этого следует подумать о следующем визите к двуногим.

Камень сомневался, что остальная часть Яркой Воды одобрила бы его набеги на двуногих, но он был далеко от ареала обитания Яркой Воды. Ничто из того, что произошло бы с этими двуногими, едва ли повлияло бы на остальной Народ. Кроме того, Народ совершал набеги на места выращивания двуногих в поисках пучкового стебля задолго до того, как Золотоглазая покинула его. Правда, Камень был придающим форму, без скрытности разведчика или охотника, но он был также одиночкой, и он был осторожен в своих набегах.

И на самом деле двуногие были единственной причиной, по которой он выжил. На их местах выращивания было много растений, некоторые из которых были приятными на вкус, а некоторые не очень, даже в разгар холодных дней. И были другие... интересные возможности.

У него было сильное искушение попробовать одно из длинноухих созданий, которые напоминали ему травяных бегунов. Они были несколько меньше Личности, но достаточно велики, чтобы один из них мог кормить его довольно долго, и пахли они восхитительно. К сожалению, он был уверен, что двуногие заметят, если кто-нибудь из них исчезнет, и хотя они могли бы обвинить в этом жующих кору или остроносых, это было маловероятно. Ни один из них не смог бы открыть простые, но эффективные замки, которые двуногие сконструировали, чтобы не пустить их внутрь. И поэтому, к сожалению, он оставил их невредимыми.

С другой стороны, там были трепещущие крылья. Это было не очень хорошее имя для них, но оно было единственным, которое у него было. Они были нелепыми созданиями — толстыми,

легковозбудимыми, и с чем-то вроде нелепых крыльев. Конечно, они были совсем не похожи на смертокрыла или скользящего-по-ветру! Хотя пахли они еще вкуснее, чем длинноухие. И в отличие от длинноухих, они тоже откладывали яйца. Как бы ни пахли трепещущие крылья, их яйца действительно были восхитительны, и они производили их в большом количестве. Короткое посещение гнезда трепещущих крыльев с его сеткой для переноски могло бы прокормить его в течение нескольких дней, и для этого можно было взять не больше, чем яйцо здесь, и яйцо там.

Он также воспользовался другими сокровищами, любезно предоставленными двуногими. За главным гнездовьем было место, где они, казалось, выбрасывали вещи, которые им больше не были нужны. У них была какая-то самодельная вещь, которая по какой-то причине измельчала их отбросы. Возможно, это было просто для того, чтобы они занимали меньше места, но летающая вещь собирала съеденные кусочки каждые две руки дней. Важным моментом было то, что они использовали самодельную вещь только за день до появления летающей вещи, и он нашел множество полезных вещей, пока рыскал по месту выброса. Он использовал их, чтобы построить гнездо, которое было и больше, и теплее, чем что-либо, в чем действительно нуждалась одна Личность, — достаточно, чтобы легко укрыть его даже в самые холодные дни, - и он собрал другие инструменты, необходимые ему, чтобы выжить внутри него, например, чудесный клинок, который он использовал сейчас вместо камненного орудия труда Народа.

На самом деле бывали дни, когда он был почти доволен.

Почти.

Он подозревал, что узнал о двуногих больше, чем любая другая Личность. Жаль, что он никогда не сможет поделиться тем, что узнал, с певицами памяти. Но...

Его мысли прервались, и он перекатился на руко-ноги и истинные ноги, когда почувствовал приближение мыслесвета. Это была одна из вещей, которыми он никогда не мог поделиться с певицем памяти — открытие, что двуногие обладают мыслесветом. Ну, конечно, они обладали! По крайней мере, у каждого живого существа был своего рода мыслесвет. Но мыслесвет двуногих был намного сильнее, чем у любого другого существа, с которым когда-либо сталкивался Камень. На самом деле, они были, по крайней мере, так же сильны, как и у Народа, хотя и сильно отличались друг от друга. Конечно, у него не было ни мыслеголоса, ни какой-либо способности прислушиваться к их мыслеголосам, поэтому он понятия не имел, насколько двуногие на самом деле похожи или отличаются от Народа, но это было интересно.

Теперь он наблюдал, как один из тех, кого он привык считать “своими” двуногими, пробирался вдоль берега ручья с громовержцем, перекинутым через плечо. Большой черный крикун, которого Камень изо всех сил старался избегать во время своих экскурсий в гнездовье трепещущих крыльев, носился туда-сюда по низкорослому кустарнику, опережая двуногого, но всегда возвращаясь к нему кружным путем.

Итак, что ты здесь сегодня делаешь, двуногий? подумал он.

Без сомнения, ответом была какая-то другая непонятная двуногая вещь, но, по крайней мере, следуя за ними, ему было бы чем заняться.

* * *

“Там!” - сказал Мак.

"О? Ты наконец закончил?” - спросил Зак.

“Я не заметил, чтобы ты вспотел, помогая”, - заметил Мак.

“Это не моя работа! Ты специалист по программированию. Я тот парень который берет-свой-дробовик-и-прикрывает-твою-спину-с-соредоточенным-стальным-взглядом. Помнишь?”

Поскольку в тот самый момент Зак удобно развалился в тени одного из роботов-лесозаготовителей, заложив руки за голову и жуя стебель псевдошалфея, его старшего брата можно было извинить за то, что он закатил глаза.

“Да, конечно. Но, так уж получилось, что мы здесь закончили. Так почему бы нам не вернуться? Уже почти время обеда. Кроме того, мне нужно поговорить с тетей Данетт.”

“И ты сломал свой уни-линк!” - печально сказал Зак, выплевывая стебель псевдошалфея и поднимаясь на ноги. “Я даже не заметил!”

“Ты действительно сегодня весь из себя, не так ли?” Мак покачал головой. “В данном случае, однако, мне нужно показать ей несколько диаграмм в моем блокноте, пока мы будем разговаривать. Ты же знаешь, насколько она ориентирована на визуальное восприятие. В этом программном обеспечении есть пара шаблонов обрезки, о которых я и не подозревал. Я думаю, у нас будет больше гибкости, чем мы думали, но мне действительно нужно ее мнение, чтобы решить, в какой очередности мы хотим их расставить.”

“Имеет смысл”, - сказал Зак немного более серьезно. “Но ты знаешь, что она захочет услышать мнение Корделии, прежде чем принимать какие-либо решения по этому поводу”.

“Да, это так.” Мак кивнул.

В отличие от некоторых сфинксианок, тетя Данетт очень серьезно относилась к своим обязанностям хранительницы дикой природы планеты. Вот почему она хотела получить отчет прямо с места, чтобы подтвердить аэрофотосъемку дронов. Она хотела точно знать, что нужно рубить, а что нет, вместо того, чтобы прибегать к подходу “срубите все это, и пусть Бог с этим разберется”, к которому прибегли бы некоторые из ее коллег-“аристократов”.

“Еще достаточно дневного света, мы все еще можем вернуться сюда сегодня днем, чтобы внести любые изменения, которые она захочет”, - отметил он, и Зак кивнул. День Сфинкса был более, чем двадцать шесть часов, и, несмотря на позднее начало, едва наступил полдень. “Нам нужно начать рубку в понедельник, - продолжил Мак, - и у меня есть планы на завтра”.

"Планы, включающие как-там-его-зовут? Брэд?" - озорно спросил Зак.

"Планы," - сдержанно сказал Мак, и его младший брат смягчился.

“Хорошо. Тогда почему бы нам с тобой не пойти и не помочь Корделии? Я знаю, что на самом деле она предпочитает бродить по лесу в одиночестве, но она, вероятно, простит нас за то, что мы нагрянули к ней сегодня днем. Если это не войдет в привычку!”

“Знаешь, это не такая уж плохая идея”, - согласился Мак. “Давай”.

Корделия Шардт-Кордова осторожно пробиралась по охотничьей тропе. Сфинксианский псевдоолень, который, как она поняла, не очень походил на наземный вид, в честь которого он был назван, предпочитал бегство борьбе перед лицом любой угрозы. Однако в то же время он весил около девяноста килограммов, и при случае его версию бегства можно было бы более точно описать как “пробежать-прямо-над-угрозой-и-растоптать-ее-на-своем-пути-к-выходу”.

Она полагала, что шансы на подобную встречу сегодня невелики, отчасти потому, что тропой, похоже, в последнее время почти не пользовались, но еще больше потому, что Барнаби заметит любого приближающегося оленя - или что-нибудь еще достаточно крупное, чтобы представлять угрозу, - задолго до того, как это сделает Корделия. Ротти Мейердала были генетически модифицированы для условий с высокой гравитацией, и хотя это не входило в первоначальные цели модификации, в процессе был улучшен и без того значительный интеллект породы. По мнению Корделии, в результате получилась почти идеальная собака-поселенец для Сфинкса.

Теперь Барнаби мчался к ней по тропинке, словно пушистая черно-подпалая молния. Он резко остановился, и она напряглась, когда он поднялся на задние лапы и положил передние ей на плечи, виляя хвостом и навострив уши.

“Даже не думай об этом!” - предупредила она его, когда он склонил свою массивную голову набок, явно раздумывая, лизнуть ее или нет. Она почесала его за правым ухом, и он решил вместо этого закрыть глаза и насладиться этой лаской.

“Разумно”, - сказала она ему.

Он радостно засопел, затем опустился на все четыре лапы и ткнулся носом в ее рюкзак. Она взглянула на него сверху вниз — это было не так уж далеко; он был ей намного выше пояса - и он тряхнул головой, хлопая ушами.

“Ну, - она проверила время на своем уни-линке и обнаружила, что было позже, чем она думала, - я думаю, что сейчас примерно обеденное время. Давай найдем место с прекрасным видом.”

Барнаби громко чихнул в знак согласия и снова побежал рысью по тропе впереди нее, и она покачала головой, следуя за ним.

На ходу она держала глаза открытыми, и не только для того, чтобы убедиться, что на нее не обрушилось ничего предосудительного. Беспилотник, ныряющий сквозь купол над головой, на самом деле был так же ответственен за сбор данных обследования, за которыми она была здесь, как и она сама, но впечатления наблюдателя-человека должны были сыграть определенную роль в его интерпретации. Кроме того, даже на этот момент люди были на Сфинксе меньше стандартного столетия. Было еще много вещей, которые они не выяснили о своей новой планете. Сфинксианская Лесная Служба постоянно выявляла новые виды флоры и фауны, многие из которых лишь подчеркивали необходимость бережного отношения к планетарной биосфере. И одной из причин, по которой Корделии нравилось проводить исследования для своей мамы, была возможность самой обнаружить новые виды. За выявление полезных растений или животных назначалась награда, хотя она и не составляла целой кучи денег. Но Корделию не интересовали деньги. Она хотела получить права на присвоение имен, которые сопровождали награду. Первооткрывателю вида было разрешено предложить официальное название для своего открытия, и Корделия была потрясена тем, как мало воображения проявили некоторые из этих первооткрывателей.

Скажи правду, сказала она себе сейчас. На что ты действительно надеешься, так это устроить что-нибудь вроде того, что сделали Харрингтоны, не так ли?

Ну, может быть, так оно и было. Она не была уверена, что принимает теорию о том, что эти “древесные коты” были производителями инструментов. Возможно, пользователи инструментов. На планетах, заселенных человечеством, было множество видов, которые демонстрировали такое поведение, например, используя палки для копания. Но если верить

юной Харрингтон, ее “древесные коты” вышли далеко за рамки этого, и такой уровень разумности был гораздо более редким. Однако Лесная Служба, похоже, согласилась с ней. На самом деле теперь она сама была рейнджером, несмотря на то, что была на пару лет моложе Корделии, и она и ее друзья были ярыми защитниками “древесных котов”. Корделия была готова признать возможность того, что они были правы насчет того, что существа действительно делают инструменты; она просто хотела получить подтверждение из первых рук, прежде чем подписаться под теорией.

Лес перед ней начал редеть, когда охотничья тропа повернула обратно к берегу ручья. "Снова работа псевдобобров", - подумала она. Для зверей, длина тела которых никогда не превышала пятидесяти сантиметров или около того, они могли быть невероятно разрушительными. Но пруды, которые они выкапывали, часто были огромными — тот, к которому она приближалась, имел длину более двух километров — и они питали водно-болотные угодья, которые были ключевыми для большей части жизненного цикла лесов. Это была одна из причин, по которой она была здесь. Последнее лето было явно слишком засушливым, и было много пожаров, особенно на дальней стороне Твин Форкс. До сих пор осень была такой сухой, как они ожидали, с очень небольшим количеством дождей. Иссушенный подлесок, который летом превратился в растопку, находился в процессе превращения в трут, и Лесная Служба предупреждала всех, чтобы они находились подальше от опасной зоны. В более высоких местностях было немного легче — там уже шел снег, хотя его было меньше, чем обычно, и каждое утро он по-прежнему в основном таял, - но низины были в такой же опасности, как и всегда. На самом деле, во многих отношениях все было хуже, чем в разгар лета.

Перистая ежевика была важнейшим компонентом растительного цикла Сфинкса. Смолистый низкорослый кустарник обеспечивал плотный почвенный покров, а сочетание его тени и глубокой корневой системы играло важную роль в улавливании и сохранении дождевой воды. По крайней мере, когда шел дождь. Но она также отмирала каждую осень, оставляя скелетообразное кружево из легко воспламеняющихся сухих листьев и веток. Сейчас этот ежегодный цикл затухания уже начался, и по мере прохождения сезона он перемещался на восток, а это означало, что слишком велика вероятность того, что он приведет к новой волне пожаров в том же направлении.

Низины Красного Берега лежали прямо поперек этой оси угрозы. Они следовали с севера на юг по течению реки, в честь которой были названы, и хотя Красный Берег был всего лишь скромным ручьем (по стандартам Сфинкса), племена бобров нанизали свои пруды вдоль него, как бусины на ожерелье, чтобы получились Низины. Вода в этих прудах всегда была критически важна для дикой природы в засушливое лето, а полоса водно-болотных угодий также обеспечивала потенциальную защиту от пожаров, которая охраняла более трети западного периметра баронства ее матери.

Проблема заключалась в зарослях перистой ежевики по западному периметру Низин и количестве королевских дубов растущих вдоль реки. На самом деле проблема заключалась в ветвях королевских дубов, которые тянулись прямо через реку. В сочетании с зарослями частокольного дерева, которые выросли на полянах, образовавшихся в результате вырубки леса рядом с псевдобобрами, они создали в целом слишком много мостов, по которым пламя могло бы перепрыгнуть водную преграду, если бы загорелась перистая ежевика. Королевскому дубу требовались десятилетия — скорее всего, столетия - чтобы достичь полной зрелости, поэтому решение о вырубке даже одного обычно требовало тщательного рассмотрения. Частокольное дерево, с другой стороны, росло так быстро, что могло стать серьезной помехой, а долгое сухое лето превратило покрывала из опавшей растительности под зарослями в еще одну кучу трута, ожидающую искры. Как только Мак и Зак загрузят и сертифицируют новое программное обеспечение роботов-лесозаготовителей, они отправятся в этот район, чтобы

срубить частокольные деревья и убрать трут в качестве меры пожарной предосторожности. Хотя, по крайней мере некоторые из королевских дубов тоже отправятся в путь. Корделии было их жаль. Как и на большинстве недавно колонизированных планет, древесина была основным строительным материалом на Сфинксе, но типичный королевский дуб был по меньшей мере восьмидесяти метров в высоту и восьми метров в диаметре. Всего один из них мог бы обеспечить тысячи квадратных метров пиломатериалов, и они, возможно, собираются срубить до полудюжины из них. Это было намного больше древесины, чем кому-либо могло понадобиться.

На самом деле, это было действительно то, что она искала: место, где величественные деревья можно было бы обрезать, чтобы избавиться от мостов для пожаров, не разрушая их полностью. Это было бы намного лучше для леса в целом, и Корделия меньше чувствовала бы себя так, как будто они оскверняют свою планету.

Барнаби вышел из зарослей частокольного дерева на полянку, расчищенную псевдобобрами, и Корделия с благодарностью последовала за ним. Ей нравился волшебный полумрак коридоров королевского дуба, но температура была явно невысокой, даже для ее чувствительности рожденной на Сфинксе, в это раннее время долгого дня Сфинкса, и немного прямого солнечного света было бы кстати.

Она вышла из тени и оказалась на краю бобрового пруда, к которому пробиралась последние сорок пять минут. Здесь, на уровне земли, все было еще более впечатляющим, чем на снимках с воздуха. На самом деле, его северная оконечность уходила дальше в королевские дубы, чем она предполагала. "Возможно, это самый большой пруд, о котором я когда-либо слышала", - подумала она, пробираясь через кустарник высотой по колено, который воспользовался солнечным светом. Псевдобобры, как правило, срубали деревья, которые они намеревались использовать, а затем оставляли их на сезон. Они обрывали ветви и листья для немедленного использования, но стволы часто лежали там, где упали, в течение целого планетарного года, прежде чем их забирали для текущего строительства. Судя по снимкам, сделанным беспилотником сверху, эти бобры были достаточно любезны, чтобы оставить несколько подходящих скамеек, одну из которых она могла выбрать как место для завтрака.

* * *

Камень пробирался вдоль сетчатого дерева, наблюдая за двуногим и пробуя на вкус его мыслесвет. В этот раз он подошел ближе всего к одному из них, хотя он не раз видел, как они передвигались по лесам. Также он подошел ближе всего к одному из их мыслесветов, и он было даже сильнее, чем Камень думал. В действительности, он, казалось, был сильнее, чем мыслесвет кого-нибудь из Народа!

А возможно он только кажется таким, потому что прошло так много времени с тех пор, как ты пробовал мыслесвет другой Личности, напомнил он себе. И все же было удивительно, что он так отчетливо ощущал его вкус с такого расстояния.

Его было... приятно ощущать. Это был единственный способ, которым он мог описать это самому себе. Он подозревал, что это, должно быть, молодой двуногий, судя по ярким краям его мыслесвета. Этот двуногий все еще находил вещи, которые были для него в новинку, и он почувствовал вкус его предвкушения увидеть еще больше таких вещей.

Странно, что я могу так ясно сказать, что это то, чего он хочет. Даже мыслесвет другой Личности меньше сказал бы о его настоящих мыслях.

С другой стороны, теперь он был достаточно близко, чтобы быть уверенным, что у двуногих нет мыслеголосов. На самом деле, они, должно быть, совершенно мыслеслепы, бедняжки. Если бы это было не так, двуногий уже должен был бы ощутить вкус его собственного мыслесвета.

Он придвинулся немного ближе, уверенный по их мыслесветам, что ни двуногий, ни крикун не обнаружили его присутствия, и его уши навострились, когда успокаивающее тепло двуногого окутало его. И вот что это было, понял он, — утешение. Это было так, как если бы он грел свои настоящие руки над приветливым огнем. Подобно огню, мыслесвет двуногого даже не чувствовал его, но его сияние - его тепло - проникло во внутренний холод, который возник, когда Золотоглазая покинула его. И если он не знал о нем, то и не испытывал к нему жалости. Он просто был, и Камень еще внимательнее проследил за пятнами солнечного света и тени, глядя на макушку двуногого почти прямо сверху.

Он был так растерян, так поглощен изучением его мыслесвета, что не понимал, куда он направляется, пока деревья впереди них не начали редеть.

Он замер, когда осознал, и шок и тревога прокатились по нему. Был ли двуногий сумасшедшим? Как он мог...?

И тогда он понял кое-что еще.

Он не знает, подумал он. Он не знает! И крикун тоже!

Их мыслесветы делали это очевидным. И даже если бы они обладали мыслеголосами, у него его не было. Он даже не мог предупредить их! Если не...

“Блик!”

Корделия остановилась на полушаге. Она никогда не слышала крика животного, подобного этому, и обернулась, пытаясь найти его источник.

“Блик! Блик!»

Где в этом мире...?

Краем глаза она уловила какое-то движение, и ее глаза недоверчиво расширились, когда она увидела источник крика.

Это... древесный кот!

"Это мог быть только он", - подумала она. Она видела достаточно их изображений, чтобы осознать это! Но что же его так расстроило?

“Блик! Блик, блик, блик!”

Она не знала, почему была так уверена, что его волнение как-то связано с ней, и все же она была уверена. Может быть, дело было просто в том, что она не могла придумать никакой другой причины, по которой он производил столько шума — или вообще открыл ей свое присутствие! И теперь он двигался взад и вперед по ветвям частокольного дерева. Он пробежал к ней пару метров, затем развернулся и побежал в противоположном направлении, оглядываясь на нее через плечо.

Что, черт возьми...?

Она повернулась и сделала шаг к нему.

* * *

Да!

Облегчение вскипело в Камне, когда двуногий остановился, поднял глаза и увидел его. Он снова мяукнул, пробегая назад по сетчатому лесу, и ощутил удивление и любопытство, которые прорвались сквозь его мыслесвет. Там был восторг, смешанный с удивлением, и ощущение чуда, которое выходило за рамки простого любопытства, и он попробовал его, поворачиваясь, чтобы последовать за ним.

Хорошо! Если бы он только мог...

* * *

Корделия Шардт-Кордова почувствовала, что широко улыбается, когда поняла, что древесный кот хочет, чтобы она последовала за ним!

Боже мой, они действительно умны! подумала она. И этот хочет мне что-то показать? Это то, чего он хочет? Но почему...?

Она сделала еще один шаг, и в этот момент боевой клич Барнаби разнесся по поляне. На мгновение ей показалось, что он нацелен на древесного кота. Она резко повернулась в направлении ротвейлера, широко раскрыв глаза, а затем замерла, когда все псевдобобры вдоль береговой линии пруда взорвались движением.

* * *

Нет! Он был так близок к тому, чтобы спасти его!

Ужас прошел сквозь Камня, когда рой иглозубых выскочил из подлеска.

Иглозубые были одними из самых смертоносных охотников в мире. Не из-за их размера - они были не больше половины роста Личности, - а из-за их численности... и их голода. Они нападали на все живое, руки рук иглозубых облепляли жертву, стаскивали вниз, буквально пожирая заживо, особенно в брачный период.

Они были причиной того, что здесь больше не было никаких озерных строителей.

* * *

“Барнаби! Ко мне!” - крикнула Корделия, снимая с плеча винтовку и внезапно пожалев, что не взяла с собой дробовик. “Ко мне!”

Псевдоласки! Она должна была понять! Вот почему она не видела никаких признаков псевдобобров, вот почему никто не пользовался охотничьей тропой! Обычно псевдоласки встречались лишь в относительно небольшом количестве, но в середине осени, на пике сезона размножения, они могли сбиваться в стаи по несколько десятков или даже больше.

Шерсть Барнаби встала дыбом в тот момент, когда он почуял приближающихся псевдоласок, но он быстро откликнулся на ее зов, прыгнув к ней, когда она попятилась с открытой

местности, где кроны дубов скрывали подлесок. Псевдоласки были территориальными — вот почему их стаи росли в период размножения, поскольку они занимали территорию и охотничьи угодья, где могли бы вынашивать своих детенышей — и если бы она и Барнаби могли просто выйти за пределы территории, на которую они претендовали здесь...

Барнаби оставался между ней и приближающимися псевдоласками, двигаясь взад и вперед, громыхая своим боевым лаем, и казалось, что существа замедляются. Или, может быть, она просто хотела в это верить. Может быть...

Она следила за угрозой. Она не замечала корень, растущий поперек охотничьей тропы, пока каблук ее правого ботинка не зацепился за него.

* * *

Нет!

Двуногий споткнулся, затем повалился назад, выронив свой громовержец, и Камень ощутил вспышку боли, пронзившую его мыслесвет. Не от падения, а от его лодыжки.

Он попытался подняться на ноги, в то время как иглозубые приблизились, и он услышал, как он закричал от боли. Ему удалось подняться обратно в вертикальное положение, но он покачнулся, борясь за то, чтобы удержаться на месте, в то время как боль разрывала его на части.

* * *

Корделия всхлипнула от боли, поднимаясь на ноги, и поняла, что они с Барнаби вот-вот умрут из-за простого глупого падения.

Она не знала, была ли сломана лодыжка или это было просто сильное растяжение, да это и не имело значения. Что имело значение, так это то, что она едва могла стоять, не говоря уже о том, чтобы бежать. Ей удалось подобрать свою винтовку поднимаясь, и ее рука нащупала рукоять пистолета, в то время как большой палец снял ее с предохранителя, но это был скорее рефлекторный акт неповиновения, чем что-либо еще. Псевдоласки были быстрыми, и они были маленькими мишенями. И...

Рокочущий рык Барнаби прокатился подобно раскату грома, когда до них добрался прилив остальных псевдоласок. Его массивные челюсти сомкнулись со слышимым хрустом. Визг его жертвы резко оборвался, и он тряхнул головой, бросая ее назад в рюкзак. Его челюсти снова сомкнулись, и затем псевдоласки набросились на него. Они были маленькими врагами, но их зубы были острыми, как иглы. Его толстая шерсть и шкура обеспечивали некоторую защиту, но недостаточную, и Корделия подняла винтовку.

* * *

“БАХ!”

Громовержец двуногого взревел, и Камень почувствовал проблеск надежды. Но иглозубые, ничуть не смутившись, двинулись дальше. Они понятия не имели, что такое громовержец... а если бы и поняли, им было бы все равно. Их мыслесветы и в лучшие времена были минимальны; теперь они не были наполнены ничем, кроме ярости и голода.

* * *

“Что за черт?!”

Зак Кемпер резко выпрямился на своем сиденье, когда зазвенела тревога. Он дернул запястьем и постучал по циферблату своего уни-линка.

"Что?" - натянуто спросил Мак.

“Это Корделия”.

"Что-то не так?"

“Она не звонит. На самом деле...” Зак постучал снова, и его лицо напряглось. “Это сработал автоматический аварийный сигнал, Мак”.

“Черт”.

Братья посмотрели друг на друга. Правила тети Данетт были непреклонны. Никто никогда не отправлялся в лес в одиночку, не активировав функцию оповещения о падении на своем уни-линке. Младшие члены ее семьи могли иногда закатывать глаза из-за этой предосторожности, но на самом деле им не хотелось спорить. Падения были одним из самых распространенных несчастных случаев, которые могли настигнуть кого-то в буше, и при силе тяжести Сфинкса 1,35 такой “несчастный случай” часто означал переломы костей - иногда их было много - у людей, которые не были генетически улучшены для миров с высокой гравитацией. Таким образом, если уни-линк зафиксировал падение, а его владелец не нажал на запрос “Ты в порядке?” в течение десяти секунд, он автоматически передавал сигнал маячка.

“Где?” - потребовал Мак. “Я не вижу...” Он замолчал, когда на его навигационном дисплее вспыхнул значок. “Понял! Позвони тете Данетт и скажи ей, что мы уже в пути!”

* * *

Кровь запачкала шерсть Барнаби в дюжине мест, но он был ротвейлером. Не просто ротвейлером — ротвейлером с Мейердала, чей человек был в опасности. Он был намного сильнее, намного выносливее, чем любой земной ротвейлер, а также он обладал каждой каплей бесстрашной натуры своих предков, готовых пойти на все, и он игнорировал свои собственные раны, кружась вокруг Корделии, отгоняя псевдоласок, которые пытались забраться к ней на ботинки, и плотные брюки, сшитые из нервущейся ткани.

Они двигались слишком быстро, были слишком неуловимы, чтобы она могла прицелиться в них из своей винтовки, поэтому вместо этого она использовала ее как дубинку, рыдая от ужаса, но отказываясь паниковать. Она била одну псевдоласку за другой, пытаясь удержать их подальше от Барнаби, но на месте каждой, сбитой дубинкой, всегда находилось еще две.

* * *

Камень зарычал от ярости, почувствовав мыслесвет под собой.

Ужас двуногого нахлынул на него подобно приливу, но, несмотря на весь его страх, именно фокус этого мыслесвета схватил Камня за горло. Он распознал в нем отчаяние. Он познал то же отчаяние, когда Золотоглазая погрузилась в свой последний сон в его объятиях. Он сам

чувствовал его, когда страстно желал никогда не просыпаться, чтобы не обнаружить, что она ушла. Но двуногий не собирался сдаваться. Он собирался сражаться с иглозубыми до тех пор, пока больше не сможет сражаться, и не только за себя. Камень ощутил его отчаянную решимость защитить крикуна так же, как он ощутил кроваво-красную, яростную решимость крикуна защитить двуногого.

Они были мыслеслепы. Ни один из них не мог ощутить вкус другого, знать, что другой скорее умрет, чем оставит его. И это не имело значения. Не для них. Они будут сражаться и умрут вместе, так же верно, как любой из Народа будет сражаться и умирать вместе.

И когда он осознал это, он осознал и кое-что еще.

Он не мог позволить им сражаться и умереть в одиночку. Он слишком хорошо знал, что это значит.

* * *

Даже сквозь яростный вой Барнаби и свою собственную панику Корделия услышала другой звук. Это было похоже на разрыв холста. Она никогда не слышала этого раньше, но какой-то уголок ее мозга понял, что это должно было быть, и ей захотелось закричать. Отвергнуть то, что, как она знала, должно было произойти. Древесный кот, сопровождаемый своим боевым кличем, кинулся вниз с частокольного дерева.

Он спрыгнул ей на плечо, но лишь скользящим ударом, отскоком, который приземлил его идеально точно на все шесть конечностей прямо у ее ног.

А затем все перешло в движение.

* * *

Камень понятия не имел, поймет ли крикун, что он не просто еще один иглозубый, но у него не было выбора, кроме как воспользоваться этим шансом. Он бросился в безумный водоворот иглозубых вокруг ног двуногого, нанося удары острыми, как бритва, когтями и клыками, такими же острыми, как у любого иглозубого.

* * *

Корделия ударила дубинкой еще одну псевдоласку, еле переводя дух. Существа пробрались внутрь ее брюк в нескольких местах, и она чувствовала, как кровь стекает по ее ногам, но ее раны были ничем по сравнению с ранами Барнаби. Ротвейлер теперь был весь в крови, и свирепо дерущийся древесный кот тоже был окровавлен.

Они собирались умереть. Она знала, что это так. Но если это и было так, то, клянусь Богом, они собирались драться и царапаться до конца! Барнаби никогда бы не бросил ее, она никогда бы не бросила его, и ни один из них не бросил бы древесного кота, который сделал их безнадежную битву своей собственной.

* * *

Камень взвизгнул от боли, когда острые как иглы клыки вонзились в его правую ногу.

Это был не первый раз, когда его кусали, но на этот раз эти клыки достигли большого сухожилия на задней части его ноги. Нога подломилась, и он упал, перекатываясь и нанося удары пятью парами когтей. Челюсти большого черного крикуна оторвали одного из нападавших, в то время как еще двое из них напали на крикуна, и Камню удалось подняться. Двое иглозубых воспользовались открывшимся преимуществом, прорвавшись мимо него и крикуна, карабкаясь вверх по ногам двуногого, пока не смогли дотянуться до его рук. Он закричал, выронив свой громовержец, отбиваясь от них, держа подальше от своего горла, и Камень бросился вверх, карабкаясь по двуногому в погоне за иглозубыми.

Он добрался до ближайшего и вонзил изогнутые когти своей правой истинной руки в его бедро, дернув его назад, перерезая ему горло левой истинной рукой, в то время как он цеплялся за тело двуногого, прикрывая обеими руками-ногами и одной истинной ногой, которая все еще работала. Но он не смог дотянуться до второго иглозубого, поскольку тот выскользнул из хватки двуногого и метнулся к его горлу.

Камень прыгнул. Это был не самый сильный прыжок, который он когда-либо совершал — не с одной работающей ногой, - но этого было достаточно. Он ударил по иглозубому, схватив его обеими настоящими руками, вырывая жизнь из него, изогнувшегося дугой. Затем он приземлился, слишком далеко от двуногого или крикуна, чтобы кто-либо из них мог дотянуться до него.

Иглозубые ждали.

* * *

"Нет!” Корделия закричала, когда древесный кот исчез в море псевдоласок.

"Нет!”

Она точно знала, что сделал древесный кот... и почему. Ему вообще не нужно было вступать в бой, и теперь он умер, чтобы выиграть ей еще несколько секунд.

Вновь клыки прокусили ее брюки, и три маленьких монстра вцепились в спину Барнаби, кусая и разрывая ее. Ротвейлер замедлялся по мере того, как увеличивалась его кровопотеря. Он был...

БАХ!

Ее голова дернулась вверх, и недоверчивые глаза широко распахнулись.

БАХ! БАХ!

Это был Зак! Где..? Как..?

* * *

Зак Кемпер вырубил свое антигравитационное устройство и упал на землю за пределами периметра стаи псевдоласок, окружавшей Корделию, и, в отличие от Корделии, он предпочитал дробовик. В принципе, он был идентичен дробовикам, которые использовались на Земле в течение тысяч лет, но конструкция была несколько более совершенной, и он установил то, что один из его предков-землян назвал бы “улучшенным барабанным штуцером”. Кроме того, патроны этого оружия были тоньше, чем у старомодного дробовика. В его магазине их

было пятнадцать, каждый заряжен острыми, как бритва, аэродинамически стабилизированными пулями, и поскольку Зак, при всем своем легкомыслии, был абсолютно серьезен в том, чтобы прикрывать спину своего брата в лесу, в нем также был выборочный огонь.

Он опустился на одно колено, и очередь из полностью автоматических гранат разорвала в клочья псевдоласок в стае, атакующей Корделию.

Отдача ударила его в плечо, и он разрядил магазин, нажал на спусковую кнопку указательным пальцем правой руки, даже не отпуская рукоятку пистолета, и вставил новый магазин левой рукой.

* * *

Корделия всхлипнула, не веря своим ушам. Она была так сосредоточена на псевдоласках, что даже не услышала аэромобиль! Теперь он парил над ней с открытым куполом, и она увидела стоящего в нем Мака. Он перегнулся через борт, стреляя вниз, и хотя у него не было дробовика, как у Зака, его винтовка стреляла в автоматическом режиме, и он прикрепил барабанный магазин на сто патронов, которым Корделия всегда его дразнила. Его огонь прошил вторую часть стаи, и этого потока смерти и разрушений было достаточно, чтобы достучаться даже до псевдоласок.

Выжившие начали разбегаться, шок и ужас, наконец, преодолели их свирепость и голод, и Корделия споткнулась. Она опустилась на правое колено, расшвыривая псевдоласок, все еще цепляющихся за ее ноги, чувствуя, как они впиваются в ее руки, когда она отрывала и отбрасывала их прочь. Но затем она увидела, как Зак направил прицел в сторону самой большой оставшейся группы существ.

“Нет!” - закричала она. “Нет, Зак!”

Он не слышал ее. Или, во всяком случае, не понял, что она говорила.

И он не знал о древесном коте... или о том, что это на него нападали псевдоласки.

* * *

Ярость захлестнула Зака Кемпера, когда он увидел кровь, пропитавшую брюки, руки и ладони Корделии. Он опустил свой голографический прицел на скопление псевдоласок. Его палец напрягся, и...

“Барнаби!”

Ему каким-то образом удалось не нажать на спусковой крючок, когда истекающий кровью раненый ротвейлер прыгнул прямо на псевдоласок, которых он собирался застрелить. Зак вздернул дуло вверх и вскочил на ноги. Он не знал, что заставило Барнаби броситься прямо в центр его прицела. Может быть, он поймет это позже. Сейчас, однако...

Он бросился через полосу кровавой бойни, оставленную его огнем, и опустил приклад дробовика вниз, сбивая псевдоласок, все еще рвущихся к Барнаби.

К Барнаби и чему-то еще, понял он. Окровавленные челюсти ротвейлера оторвали псевдоласку, разорвав ее почти пополам, и глаза Зака расширились, когда он увидел растерзанное,

пропитанное кровью существо - древесного кота — в самом низу.

* * *

“Зак! Зак!” Корделия всхлипнула, ковыляя к нему так быстро, как позволяла ее лодыжка. “О, Зак!”

“Все в порядке, Корди”, - сказал он, держа дробовик в правой руке и обнимая ее левой. “Все в порядке”.

“О, Зак”, - снова сказала она, уткнувшись лицом в его плечо.

“Держу пари, ты не будешь жалеть о том, что снова включила предупреждение о падении!” - сказал он, но его голос был нежным, и она сильно покачала головой.

“Никогда!” - выдохнула она.

“Мы должны отвезти тебя к врачу”, — сказал он, но она удивила его. Она отстранилась, снова покачав головой, и опустилась на колени.

“Нет”, - сказала она так яростно, что он моргнул.

Она копалась в мертвых псевдоласках. Барнаби был рядом с ней, отгребая тела, и Зак понял, за чем они охотились, когда Корделия подняла древесного кота изодранными, кровоточащими руками и прижала его к груди.

“Корди, - начал он мягко говорить, - я боюсь, что он...”

“Нет, это не так!” Она свирепо посмотрела на него. “Это не так! Он все еще жив! Я знаю, что это так!”

“Но...”

“Он жив! И мы должны отвезти его к доктору Харрингтону, Зак! Он спас мне жизнь!”

“Но...” - начал Зак, затем оборвал себя, когда истекающий кровью древесный кот слабо пошевелился в руках Корделии.

“Сейчас, Зак!” - яростно сказала она. “Его и Барнаби, обоих! Мы можем побеспокоиться обо мне позже!”

* * *

Камень неохотно всплыл на поверхность своих снов и протестующе зашевелился.

Он не должен был быть живым. Тьма, по которой часть его так сильно тосковала с тех пор, как Золотоглазая покинула его, должна была забрать его, и он был бы рад. Он бы погиб, делая что-то стоящее, и он этого желал. Он знал, как сильно ранен, и это означало, что смерть найдет его достаточно скоро. Для одинокой Личности не было другой возможности. И если он все равно должен был умереть, почему он не мог умереть в своих снах? Умереть и восстановить свою связь с Золотоглазой, хотя бы во сне?

Он мог бы умереть во сне таким счастливым.

Но в этом ему было отказано, и что-то коснулось его морды.

Он неохотно открыл глаза и моргнул, пытаясь сосредоточиться. И когда он попытался, то ощутил знакомое сияние разума.

Его глаза полностью открылись, и он в изумлении уставился на Лазающего Быстро!

Что делал разведчик Яркой Воды так далеко за пределами клана? И...

Размышления Камня прервались, когда он понял, что они были в одном из мест гнездования двуногих. За прозрачной частью стены была ночь, но верхний свет был ярким, как днем. Он лежал на боку, его окружали странные запахи, многие из них были достаточно острыми, чтобы сделать больно его носу, а поверхность под ним была мягкой и теплой.

Лазающий Быстро снова погладил его по морде, и Камень моргнул. Он не видел разведчика почти целую руку оборотов, и было очевидно, что Лазающий Быстро был так же тяжело ранен, как и он, с тех пор, как они виделись в последний раз. Одной из его передних конечностей не хватало, а шкура была испещрена характерными следами шрамов под ней.

Очень жаль, что я не могу слышать его мыслеголос, размышлял Камень. Его мысли были странно расфокусированы, и он удивлялся, почему боль, которую он испытывал, казалась такой далекой, почти неважной. Было бы здорово, если бы он мог объяснить, что происходит!

Судя по вкусу мыслесвета Лазающего Быстро, он думал почти о том же, и Камень ощутил проблеск веселья - общего веселья, как он понял, - над их затруднительным положением.

И тогда он осознал, что только что почувствовал. Веселье. Перед лицом этого свежего доказательства того, как серая смерть искалечила его, он почувствовал себя забавно! Что с ним было не так?!

Вопрос прожег его насквозь, но затем он понял кое-что еще. Он пробудился от своего сна о Золотоглазой, но тепло, любовь, сосредоточенность ее мыслесвета остались с ним. Оно вернулось... и это было невозможно.

Он дернулся, когда Лазающий Быстро снова прикоснулся к нему, на этот раз к плечу, и он почувствовал сострадание разведчика. И что-то очень похожее на... радость?

Все это было неправильно. Это невозможно! Золотоглазая была отнята у него, так как же он мог снова ощутить ее мыслесвет? Он не мог! Он...

Но нет. Это не было мыслесветом Золотоглазой. И все же...

Лазающий Быстро посмотрел на него, затем указал в сторону, и Камень повернул голову, проследив глазами за жестом, и замер.

Нет, это не было мыслесветом Золотоглазой.

Это был двуногий.

Это невозможно, подумал он. Конечно, это не так! Это двуногий!

Да, это был двуногий, а не Личность, а Народ не мог соединяться ни с какими другими существами, которые населяли мир.

Но двуногие не из нашего мира. Эта мысль промелькнула в его в голове. Они не похожи ни на какие другие существа, которые ходят по миру. Мы узнавали о них, оборот за оборотом.

Он уставился на двуногого - его двуногого, понял он, пробуя на вкус радостную силу связи между ними. Она - теперь он знал, что его двуногая была самкой — спала на чем-то вроде сидячего предмета рядом с плоской мягкой поверхностью, на которой он лежал, а Лазающий Быстро сидел. У нее были свои раны, раны, которые лечили так же, как и его собственные, понял он, и почувствовал вкус ее истощения. И все же, даже когда она спала, ее мыслесвет искал его. Это не было сознательным, осознающим поиском другой Личности, и все же на самом деле он был сильнее во многих отношениях. Ее мыслесвет был таким ярким, таким интенсивным, даже во сне, и он был для него. Он потянулся к нему, окутал его, приветствовал его. Он был сосредоточен на нем, глубоко обеспокоенный его ранами и в то же время полностью лишенный жалости, которая так давно выгнала его из Яркой Воды. Потому что у двуногой не было собственного мыслеголоса, понял он. Она не знала, что он потерял, и поэтому не оплакивала его... и никогда не будет. Ее мыслесвет не был сиянием Золотоглазой, и никогда им не будет, и это было хорошо. Это, что бы это ни было и как бы это ни случилось, было слишком ярким, слишком особенным и драгоценным, чтобы сравнивать его с чем-либо другим.

Он открылся этому, почувствовал, как оно затапливает темные уголки глубоко внутри него, смывая страх, горе и тоску, и понял, что наконец-то снова вернулся домой.

* * *

Корделия дернулась, затем фыркнула, когда перышко коснулось ее лица.

Ее мама и сестры годами дразнили ее из-за храпа, и, судя по ощущениям, она снова храпела, сонно подумала она. Но, почему она это делала? И почему она спала сидя? Это было...

Перо снова коснулось ее, ее глаза распахнулись, и все нахлынуло снова. Ужас, боль...

Перо снова коснулось ее щеки, и она почувствовала... что-то еще. Она не знала, что это было за “что-то”, но оно было. Она знала это очень хорошо. И оно исходило от...

Она повернула голову, и ее глаза расширились. Это было не перышко, коснувшееся ее щеки. Это был длинный, жилистый палец. Один из вооруженных вложенным в ножны острым как бритва когтем. Когтем, который, как она видела, раздирал псевдоласок защищая ее.

Она выпрямилась в кресле и очень осторожно потянулась, удивляясь, как он оказался у нее на коленях. Доктор Харрингтон сказал, что наложил в два раза больше швов на этого древесного кота, чем на Львиное Сердце в тот день, когда он спас Стефани от гексапумы, и его правая задняя нога была обездвижена там, где восстанавливалось сухожилие. Ему, должно быть, было очень больно, несмотря на анестетики, но каким-то образом он перебрался со стола рядом с ней на ее колени, и она услышала мягкий вибрирующий звук - мурлыкание, поняла она, - когда ее руки осторожно обняли его.

Она крепко прижала его к себе, баюкая, как самую драгоценную вещь в ее мире. Потому что, поняла она, именно таким он только что стал. Она, Стефани и Карл Зивоник разговаривали, пока доктор Харрингтон работал как над древесным котом, так и над Барнаби. Стефани пыталась объяснить свою связь с Львиным Сердцем, но Корделия знала, что она на самом деле не поняла, что пыталась сказать младшая девочка.

Теперь она поняла, осознала она с чувством благоговейного трепета. Она в точности поняла, о чем говорила Стефани… и осознала, что тоже никогда не сможет объяснить это кому-то другому.

И это вообще не имело значения.

“Привет”, - тихо сказала она древесному коту - ее древесному коту - ее глаза горели. “Меня зовут Корделия”. Она нежно поцеловала его между ушами. “Спасибо тебе до конца моей жизни."

* * *

Камень прижался к ней носом, прислушиваясь к звукам, издаваемым ее ртом, задаваясь вопросом, не так ли общаются мыслеслепые друг с другом. Это была интересная мысль, и, возможно, однажды он узнает.

Но это вообще не имело значения.

"Привет", - подумал он в тишине своего сломанного мыслеголоса. "Меня зовут Камень Сердца. Спасибо тебе до конца моей жизни."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/80705/2455432